

Лю Сюаньань на этот раз не ответил, потому что, кажется, никогда об этом не задумывался. Чувства, любовь — в книгах то «без страсти не знаешь мук страсти», то «вино входит в грудь тоскующую — слёзы любви», то душа улетает, то сердце разрывается. Словно стоит полюбить — и непременно начнётся буря, суматоха, мучительные страдания, пока оба не истощатся. Утомительно это. Слишком утомительно, да и хлопотно. Одна мысль об этом голову тяготит.

Лян Шу, наблюдавший за его молчанием неподалёку, воспринял это спокойно и даже нашёл разумное объяснение.

Прожить двадцать лет в облаках с седобородыми старцами — тут уж о любви и речи быть не может.

Авторская заметка:

Сяо Лян: подслушивает.

Ночью Лян Шу и Чэн Суюэ снова отправились в Город Алых Облаков, чтобы обсудить с Ши Ханьхаем дальнейшие планы.

Секретарь управы по имени Лу Шоу был ровесником Ши Ханьхая. Носил серый халат, небольшую бородку, нрав имел честный, дела вёл неторопливо, но терпеливо. По крайней мере, до появления чумы работал исправно, никаких особых промахов за ним не водилось.

А вот Ду Цзин выглядел куда более юрким и хитрым. Возможно, от южного солнца да постоянных разъездов кожа его потемнела, нос крючковатый, сам невысокий, жилистый — стоял, словно подпорка для окна.

Местных лекарей в городе и так было немного, а чума скосила больше половины. Оставшихся двоих Лу Шоу определил в лечебницу при управе — пусть обычные хвори лечат, на Гору Дакань не ходят. Иначе говоря, всё лечение чумы теперь лежало на учениках Ду Цзина.

...

В тот же день после полудня Ши Ханьхай, следуя плану, лично встретил у городских ворот троих «дальних родственников» и с большой помпой привёл их в дом. Поскольку Город Алых Облаков был заперт уже давно, появление чужаков вызвало любопытство горожан, все вышли расспрашивать, кто такие. Естественно, весть быстро дошла до Ду Цзина.

Гости ещё не успели как следует на стульях рассестись, как у ворот уже остановилась повозка.

Чэн Суюэ немного волновалась — в основном за А-Нина, боялась, что юность и неопытность его выдадут. Но едва слышав о приезде Ду Цзина, тот мигом превратился из бойкого слуги в простоватого, даже слегка трусоватого деревенского парнишку, который прячется за спиной Лю Сюаньаня и на свет божий показываться не хочет.

Господин Лю тоже ни капли неземного в себе не оставил, стал как все. Плечи подобрал, спину слегка сгорбил — из десяти прохожих, которых доска придавит, восемь так ходят. Лично князь Сяо учил, в свободную минуту.

Так Чэн-гуньян обрела ещё один ценный жизненный опыт: мужчины, оказывается, лицедействовать умеют.

Когда Лю Сюаньань с товарищами вошли в главный зал, Ши Ханьхай уже представил их Ду

Цзину: мол, дальние родственники, странствующие лекари, как-то раз в Поместье Белого Журавля помогали, вот кое-каким способам от поветрия и научились.

Ду Цзин спросил:

— Это ты их позвал, Ши-сюн? А раньше чего не сказывал?

— Во-первых, не знал, смогут ли приехать, а во-вторых, боялся, ты, Ду-сюн, не так поймёшь, — запыхавшись, ответил Ши Ханьхай. — Не то чтобы я твоему искусству не доверял, но чем больше лекарей, тем лучше.

— Это не я не так пойму, а ты, Ши-сюн, лишнее задумал, — закачал головой Ду Цзин. — Раз в Поместье Белого Журавля учились, уж наверное искусны...

Не договорил — увидел троих, входящих во двор. Одежда простая, холщовая, держатся скромно. Разве что девушка вид имеет попригожее, а двое мужчин — больше на разносчиков смахивают, чем на лекарей.

Неужели Поместье Белого Журавля и таких принимает? — засомневался Ду Цзин и начал расспрашивать. Выяснилось в итоге, что «помощь» заключалась в том, что они на заднем дворе травы несколько дней резали.

А-Нин, видимо, и сам не слишком уверен был, потому добавил нерешительно:

— Но мы много книг про поветрие читали, правда, брат?

Лю Сюаньань кивнул:

— Верно, доктор Ду, можете не беспокоиться.

— Раз вас Ши-сюн сам позвал, как же я могу беспокоиться, — усмехнулся Ду Цзин. — Когда на гору собираетесь?

— Сейчас же, — поднялся Лю Сюаньань. — Лечить людей — дело не терпит отлагательств. Мы с собой ещё жаропонижающих да противовоспалительных трав привезли, тоже возьмём.

Ду Цзин не возражал — а может, просто этих босоногих лекарей за людей не считал. Управляющий быстро подал повозку, возничий на юго-западного жителя смахивал, так что всю дорогу трое молчали. А-Нин в окно на пейзажи глазел, Чэн Суюэ в уме план Лян Шу повторяла, а господин Лю, как водится, устроился в уголке и, отрешившись от всего, погрузился в мир грёз. Что лишний раз доказывало: будь дело хоть срочным, хоть опасным, хоть праздным — сон да мечтания для него превыше всего, им ничто не должно мешать.

А-Нин, наглядевшись на виды, подпер щёку рукой и задумался: найдётся ли на свете дело или человек, способные лишить его господина сна?

Вряд ли. Несколько лет назад в Поместье Белого Журавля воры забрались, стража с шумом гонялась, переполох такой, что соседи с чиновниками сбежались, — а господин так и не проснулся. Наутро, когда ему рассказали, он сонными глазами удивлялся — вот это сила.

Повозка долго тащилась по горной тропе, пока не достигла Горы Дакань. На равнине аккуратные домики стояли, чистота кругом. Лю Сюаньань повязал на лицо платок, спрыгнул и спросил Ду Цзина:

— А где больные?

— В домах сидят, — ответил Ду Цзин. — Слабы очень, редко выходят.

Лю Сюаньань мысленно покачал головой: ветра нет, солнце как раз — а их в тёмных комнатах держат. Но, будучи новичком, лишнего не сказал, лишь вместе с А-Нинем принялся травы в дом заносить. Чэн Суюэ же кругом прошлась, прикинула: народу тут человек пятьдесят, лекарей с десятков.

— Ну, братец, работайте, — сказал Ду Цзин. — Что надо — ко мне обращайтесь.

Лю Сюаньань, устав таскать мешки, упёрся рукой в бок:

— Ладно!

Голос такой грубый, что А-Нин даже вздрогнул.

В лицедействе господин Лю и князь Сяо были чем-то похожи: специально не учились, но когда надо — на сцену выйдут и сыграют.

Ученики Ду Цзина на них внимания не обращали, что Лю Сюаньаню только на руку было.

У восточного флигеля дверь приоткрыта, на пороге сидит девочка лет восьми, лепёшку ест.

Лю Сюаньань узнал её с первого взгляда — точнее, узнал лепёшку, ту самую, что молодая пара несколько ночей назад жарила.

Увидев незнакомца, девочка испугалась, хотела в дом юркнуть, но Лю Сюаньань остановил:

— Не уходи.

Кругом никого не было, потому он голос не менял, звучал мягко и тихо, как родник. Девочка и впрямь остановилась, робко на него поглядывая.

Лю Сюаньань присел перед ней:

— Как зовут?

— Таохуа, меня Таохуа зовут.

— Таохуа, — улыбнулся Лю Сюаньань. — «Цветы персика пылают, сияя, // Сотни тропинок осыпают, улетаая». Кто так хорошо имя придумал?

Девочка малограмотная, стихов не понимала, но от похвалы всё равно зарделась:

— Мама.

Тыльной стороной пальцев Лю Сюаньань потрогал её лоб — всё ещё горячий:

— Что болит?

— Голова кружится, кашляю, забываю всё, тошнит, рвёт, сил нет, а иногда среди ночи руки-ноги вдруг сильно заболят.

Лю Сюаньань сказал:

— Симптомы так ясно перечислила — умная девочка. Остальные такие же?

Таохуа кивнула:

— Такие же.

— Я новый лекарь, родственник ши-дажэня. Иголок боишься?

— Боюсь.

— Но укол сделаешь — быстрее поправишься. Поправишься — к маме с папой спустишься. Говорят, они тебе не только лепёшек, а много вкусного дома приготовили.

Таохуа тихонько пробурчала:

— Всё равно боюсь.

<http://bllate.org/book/16268/1464133>